
ШЕПАЛЬЕ Д'АРКЪ
АПОЛОГІЯ

АПОЛОГІЯ,

или

ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ

РАЗСУЖДЕНІЕ

О

РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ.

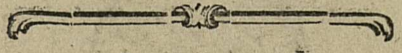
Переведено съ Французскаго

изъ

Сочиненій Господина Ше-палье д' Аркъ.

Иждивеніемъ Н. Новикова
и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ

въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1782 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Апологія, или Защитительное Разсужденіе о Родѣ Человѣческомъ, *и не нашелъ въ ней* ничего *противнаго наставленію, данному мнѣ* о *разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ЕГО

ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

МИХАЙЛУ

МАТВѢЕВИЧУ

ХЕРАСКОВУ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ

СТАТСКОМУ

СОВѢТНИКУ

И

Императорскаго
Московскаго Университета

КУРАТОРУ,

Милостивому Государю!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Сопутствовать Музамъ и Аполлону, украшать Россійской Парнассъ во время лучшей его славы, проницать во глубину Священныхъ Таинствъ Природы, отъ очей столь многихъ смертныхъ сокровенныхъ, и съ высоты Олимпа вливать въ нѣжныя сердца благорожденныхъ питомцевъ свѣтъ и добродѣтели, путь къ ихъ патріотическимъ должностямъ пріуготовляющія, есть даръ и совершенство души Вашего Превосходительства. Кому же приличнѣе осмѣлюсь я посвятить сіе Защищеніе рода человѣческаго, какъ не Любителю Премудрости и Человѣчества? И такъ, какъ истинной Фило-

лозопъ, примите, Милостипый Государь! сію малую, но искреннѣйшую сердца моего жертпу. Удостойте принять сіе приношеніе отъ челопѣка, сколь мало Вашему Препосходительстпу изпѣстнаго, столь напротипъ того много Васъ благотпорителемъ спому Отечестпу признапающаго. Запидно для меня щастіе, съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ именопаться:

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,

Милостиваго Государя!

Преданнымъ слугою,

Н. Н.

АПОЛОГІЯ

или

Защитительное

разсужденіе

о

РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ.

Имѣть худое мнѣніе о всѣхъ людяхъ *вообще*, есть столь же безразсудно, какъ и имѣть хорошее о *каждомъ порознь*. Такое презрѣніе къ роду человѣческому дѣлаетъ поношеніе самому Создателю, и несправедливость противу наипріятнѣйшей ему твари. Не гораздо ли напротивъ того пріятнѣе и разумнѣе признавать, что люди

раждаются съ понятіемъ, вкусомъ и намѣреніемъ добродѣтели? Самая ихъ собственная польза непрестанно къ тому приводитъ. Ничто нечистое не долженствовало произойти изъ рукъ создавшаго ихъ Творца; и естьли нѣкоторые и противятся склонности къ добру, какое Онъ въ сердца ихъ влагаетъ, то и тогда пристрастія, заблужденія, и нѣкоторыя случайныя обстоятельства бываютъ главнымъ источникомъ отъ истиннаго пути ихъ удаляющимъ. Для чего же полагать все сіе въ нѣдра самой природы? . . Когда бы люди почерпнули изъ оной побужденіе, приводящее ихъ ко злу, тогда бы не имѣли они зако-

конодавцовъ ; законодавцы не подавали бы никакихъ законовъ ; и никакой народъ принять бы оныхъ не согласился. Напослѣдокъ, и самое названіе справедливости было бы неизвѣстно, естьли бы захотѣли употреблять одно только превосходство силы. Сверьхъ того повиновеніе, какое каждое государство имѣетъ къ своимъ законамъ, и почтеніе, какое хранятъ къ издателямъ оныхъ, есть доказательствомъ всеобщаго къ благоучрежденію желанія.

Но поступимъ далѣе : Премудрые, которые раздавали сіи законы, пріобрѣли себѣ безсмертіе, и заслужили оное безъ сомнѣнія ; они

много сдѣлали для другихъ, и казалось, что ничего не сдѣлали для себя; между тѣмъ сіи законы, какъ знаки высокой ихъ славы, были ль во всемъ собственнаго ихъ сочиненія, или они только выбрали, привели въ порядокъ, и представили въ способнѣйшемъ видѣ такія мнѣнія, которыя имъ показались всеобщими? Потому, что естьли бы сіи мнѣнія принадлежали единственно самимъ законодавцамъ, то никогда бы не уговорили они общество принять оныя въ законъ, и само общество никогда бы имъ не повиновалось. И такъ законодатель только что собралъ въ одно мѣсто все то, что ежедневно согражданамъ его говаривали, и положилъ пра-

правила сходныя съ поклоненіемъ Божеству, съ общею безопасностію, и свойствомъ своего народа.

Трудно теперь разобрать, кто былъ самой перьвой законодатель? Многіе народы себѣ его присвоиваютъ; но видно, что сія честь никому особо не принадлежала, и что каждой изъ перьвыхъ народовъ имѣлъ одного или многихъ мудрыхъ, коихъ между собой избрали они для учрежденія и исправленія пользы общества.

Естьли бы мы теперь имѣли тѣ самые законы, которые издали сіи перьвые правители, то бы мы нашли ихъ въ весьма маломъ

числѣ;

числѣ; притомъ нашли бы въ оныхъ и тѣхъ основаніе, которые уже послѣ издали законодавцы ихъ преемники. Поистиннѣ каждой изъ нихъ присовокупилъ къ онымъ нѣчто новое. Но по мѣрѣ какъ умножались познанія, прибытокъ прирасталъ по той же причинѣ, по какой и надобности, а пороки по той же, по какой и прибытокъ. Но для сего не должно признавать пороки за усиливающіеся для небольшаго числа законовъ; для того, что естьли бы они таковы были, то бы люди никогда не согласились быть наказаны; но они сильны по своимъ дѣйствіямъ, потому что небольшее число злыхъ людей дѣлаетъ болѣе зла, нежели толикоежъ число людей

дей добродѣтельныхъ могутъ сдѣлать добра: и такъ разсудили, что надлежитъ прервать стремленіе вновь зараждающихся пороковъ. Чтобъ удержать вредительной ихъ успѣхъ, сдѣлали на то законы, и согласились лучше чрезъ жестокость наказанія потерять меньшую часть общества, чтобы избавить остальную большую часть отъ бѣдствій, какими та ей угрожала. Подобно тому какъ соглашаются потерять одинъ тѣла своего членъ чтобъ сохранить всю свою жизнь. Но новые законодавцы не были всегда единодушны для законовъ новыхъ, такъ какъ ихъ предки были въ разсужденіи своихъ древнихъ.

Ли-

Ликургъ путешествовалъ по многимъ странамъ прежде нежели положилъ основаніе законамъ, кои издалъ въ Спартѣ. Онъ избралъ у всѣхъ народовъ только тѣ, которые казались ему наиболѣе сходны съ свойствомъ Лакедемонянъ. По возвращеніи своемъ собралъ онъ главнѣйшихъ гражданъ, которые были душею народа; онъ совѣтовалъ съ ними о учрежденіи, какое хотѣлъ предложить, и не иначе какъ съ ихъ согласія пошелъ спрашивать Оракула, или требовалъ отвѣта, которой долженствовалъ повелѣть, такъ какъ прежде, множеству всегда несмысленному, слѣдовательно и суевѣрному. По чему сіи законы не были собствен-

ственное его сочиненіе, но собранные имЪ вЪ его путешествіяхЪ: одинЪ только выборЪ и предложеніе принадлежатЪ ему.

Прежде Ликурга, скажутЪ, вЪ СпартѢ были законы, которымЪ надлежало быть мудрымЪ, но и тѢ безЪ сомнѢнія были отставлены. Но сіи законы писанные, какЪ утверждаютЪ, ЛелексомЪ, или Гераклидами, вЪ то время, какЪ оные согнали сЪ престола поколѢніе Пелопса: сіи законы, говорю я, тогда мудрые, престали уже быть такими, или пришли вЪ упадокЪ чрезЪ отмѢненіе царства, потому что премѢненіе царствЪ снѢдаетЪ законы, такЪ какЪ пила

пила снѣдаетъ желѣзо, и уничтоженной законъ не имѣетъ болѣе силы. Сверьхъ того робкое нерадѣніе Царей Спартанскихъ и дерзновеніе народа, какое бываетъ обыкновеннымъ изъ того слѣдствіемъ, дѣлали необходимымъ перемѣну въ правленіи, и древніе законы не были болѣе способны для новаго виду правленія, какое ввести надлежало: для того должно было избрать такіе, какіе тогда были сходны.

Сіи *Ликурговы* законы вошли потомъ нѣкоторою частію въ составленіе Римскихъ: сіи Римскіе вошли болѣе и того въ составленіе нашихъ; такимъ же образомъ и къ другимъ народамъ, соотвѣтствуя

ствуя основанію ихъ жилища. Но повсюду видно, что перьвые законы произходятъ отъ перьвыхъ согласій людей, что сіи согласія долженствовали быть *общія*, безъ чего бы они и учреждены не были. Кромѣ того, что законы запрещаютъ дѣлать зло, и наказываютъ тѣхъ, кто хочетъ избѣжать ихъ повелѣнія, будучи притомъ съ *общаго согласія*, слѣдуетъ, что люди въ *общемъ понятіи* не терпятъ зла и не дѣлаютъ зла; но того еще не довольно сказано, для того, что добродѣтель состоитъ не только въ томъ, чтобъ не дѣлать зла, но также чтобъ дѣлать и добро; и я хочу доказать, что люди *вообще* суть добродѣтельны.

Доказательство тому нахожу я въ самыхъ законахъ. Сіи законы опредѣляютъ мученія злодѣямъ и противникамъ закону, и не полагаютъ никакого награжденія тѣмъ, которые оному повинуются. Одно наказаніе зла довольно показываетъ преимущество добродѣтели; для того, что естьли бы отъ какого ни есть государства надлежало отдѣлить три четверти для наказанія ихъ пороковъ, сіи три четверти тому бы воспротивились, учинились бы сильнѣйшими, и было бы уже совсѣмъ не возможно ихъ наказать; но остальная четверть, положимъ, что была бы равныхъ силъ, или, естьли надобно, и превосходныхъ,

ко-

конечно бы не одинъ разъ на то покусилась для собственной своей выгоды, и прежде нежели опустошить государство до такой крайности. Въ противномъ же случаѣ порокъ остался бы безъ наказанія, и законы сами собою низпали. Можно заключить, что вездѣ, гдѣ только хранятся законы, которые наказываютъ, а не награждаютъ, тамъ порокъ гораздо слабѣе добродѣтели: потому, что наградить добродѣтель есть тоже самое, какъ бы показать, что мало естъ такихъ подданныхъ, которые оную въ себѣ имѣютъ. Афиняне сослали въ ссылку Аристида въ первыя времена Республики, а въ послѣднія наградили они Альцибіада.

Во Франціи награждаютъ дарованія пріятныя, мало награждаютъ полезныя, но храбрость никогда: она всегда оставлена. Въ другомъ случаѣ награжденіе есть доказательство недостатка своего предмета. Слѣдовательно порокъ, наказанной законами и добродѣтелію, которыя всегда безъ всякой другой цѣны, кромѣ почтенія, доказываетъ ясно, что люди въ *общемъ понятіи* суть добродѣтельны.

Но выступимъ изъ законовъ письменныхъ, которые не простираютъ свою власть надъ всѣми пороками, и войдемъ въ обычаи, какія замѣняютъ ихъ въ простомъ обществѣ и занимаютъ

ютЪ ихЪ мѣсто. Я вижу вЪ оныхЪ такія наказанія, кои хотя и не тѣлесныя, однакожЪ не менѣе тѣхЪ ужасны. Презрѣніе и забвеніе отЪ всѣхЪ, какое потомЪ слѣдуетЪ, суть отмстители за добродѣтель пренебреженную вЪ обществѣ; и сіе презрѣніе простирается сЪ большею справедливостію, смотря по чрезвычайности преступленія.

Естьли же самые обычаи общества наказываютЪ пороки и невключенные вЪ законы, которые не могли простереться до нѣкоторыхЪ простыхЪ околичностей, или не долженствовали отнять у людей полную волю, какую они имѣютЪ отЪ Вышняго

Существа; то видно, что по зрѣломъ изслѣдованіи законовъ и обычаевъ, люди суть добродѣтельны *вообще*, а порокъ есть *особенной*: слѣдовательно, что имѣть худое мнѣніе о родѣ человѣческомъ, разсмотренномъ *вообще*, будетъ разсужденіе неправое.

Естьли скажутъ мнѣ, что видѣли цѣлыхъ народовъ, такъ какъ Сибаритовъ, погруженныхъ во всѣ роды пороковъ; я отвѣчаю, что сіе противоположеніе ни мало не опровергаетъ моего мнѣнія. *Одинъ* народъ, какой бы то ни былъ, есть въ разсужденіи *всего* человѣчества *вообще*, такъ какъ *одинъ* человѣкъ есть въ *цѣломъ* обществѣ;

по-

потому, что хотя бы сей человѣкъ былъ добродѣтеленъ, или золъ, со всѣмъ тѣмъ не можно еще по немъ ничего заключить о совершенствахъ или недостаткахъ сего общества. Равномѣрно и одинъ *цѣлой* народъ не можетъ довольно подать причины заключить что ни есть противу *рода человѣческаго.* Я знаю все то, что мнѣ человѣконенавидѣніе и всегдашней опытъ въ семъ случаѣ противупоставить могутъ. Но перьвому можно отказать какъ судьѣ предупрежденному, а другому какъ судьѣ несмысленному, и можетъ быть столько же къ неправильному предупрежденію способному.

Какъ! опытъ опровергаютъ и даютъ названіе несмысленнаго судьи, въ случаѣ когда что касается до познанія человѣчества! сіе гораздо походитъ на противное всеобщему мнѣнію, (paradoxe) а однакожъ не столько въ самомъ дѣлѣ, какъ объ немъ заключаютъ.

Я признаюсь, что опытъ научаетъ насъ познавать людей каждаго *порознь*. Помощію онаго намъ извѣстно, что два любовника обязываются вѣчно вѣрностію, и наблюдая возможную непоколебимость, обыкновенно болѣе ни о чемъ не помышляютъ, но что въ то самое время, когда взаимно наикрѣпчайшими клятвами соединяют-

няются, часто или тотъ, или другой, а иногда и оба вмѣстѣ, ищутъ пристойнаго случая и средства нарушить свою клятву. Опытъ научаетъ насъ, что наисильнѣйшія увѣренія дружбы и оказаніе важнѣйшихъ услугъ произходятъ единственно отъ обыкновенныхъ учтивостей, впрочемъ сами въ себѣ ничего не имѣютъ. Что сіи вѣрныя друзья не только не сдѣлаютъ тебѣ помощи ни своимъ имѣніемъ, ни своимъ случаемъ, естьлибъ когда сдѣлалась тебѣ въ томъ надобность, но напротивъ того пойдутъ оклеветать тебя у перьваго Министра, естьли имѣешь одинакое съ ними отъ него требованіе. Что по благопріятству увѣ-

домятъ тебя о твоихъ дѣлахъ, которыя всѣ въ безпорядкѣ, и одинъ учтивой и богатой человѣкъ (какіе есть еще и нынѣ) согласенъ отдать за тебя въ супружество дочь свою, дабы чрезъ то избавить тебя отъ напасти, въ какую ты впалъ нечаяннымъ случаемъ. Что изыскиваютъ всѣми силами наималѣйшей способъ привлечь тебя ко взаимному обѣщанію. Что подлымъ коварствомъ, которое имѣетъ названіе веселаго и замысловатаго разума, коварствомъ, какимъ обыкновенно уменьшаютъ или прибавляютъ нѣкоторыя обстоятельства въ Исторіи, а иногда для составленія и всей, но всегда чтобъ сдѣлать оную пріятною,

ятною, стараются обезобразить тебя или въ сердцѣ достойной женщины, которую ты любишь, но которая еще недовольно тебя знаетъ, или, лучше, которая тебя любитъ чрезвычайно, чтобъ самимъ остаться безъ всякаго смятенія; или въ мысляхъ такого человѣка, которой тебѣ готовъ быть другомъ, но которому впрочемъ велятъ тебя остерегаться; или какого родственника, которому ты наслѣдникъ; или какого покровителя, и самаго Монарха. А все сіе чаще бываетъ для одного своего увеселенія, для увеселенія другихъ, и для полученія въ свѣтѣ славы такой, какая за то быть можетъ.

Опытъ

Опытъ научаетъ насъ, что на сохраненіе отданныя вещи, или какая тайна, которая должна быть столько же свята, рѣдко бываютъ въ безопасности, естьли только тотъ, кому оныя повѣрены, можетъ присвоить себѣ первыя, и взять участіе въ другой.

Опытъ научаетъ насъ, что повредить славу женьщины такой, которая совсѣмъ тому не подала причины, обѣщать ни мало не думая, обѣщанное исполнить, хвалиться достоинствомъ и вовсе его не имѣть, присвоить себѣ чужія дѣла, чтобъ получить за нихъ честь и награжденіе, суть такія вещи, какія завсегда

мы видимъ въ обществѣ. Наконецъ (я бы никогда не окончилъ, естьли бы хотѣлъ представить всѣ подробности) оной научаетъ насъ, что мѣсто честности занимаетъ предательство подъ именемъ способности или проницанія; мѣсто добросердечія занимаетъ злоба подъ именемъ забавы; мѣсто крѣпости разума и нравовъ занимаетъ легкомысліе; а мѣсто кротости гордость, иногда смѣшная, часто несносная, а всегда невмѣстная. Что уже имена сихъ древнихъ добродѣтелей сдѣлались одни только слова, которыя ничего болѣе не значатъ въ пользу тѣхъ, которыя ихъ употребляютъ; но что сіи имена служатъ еще

еще маскою нѣкоторымъ людямъ, кои не могутъ показаться открытымъ лицомъ. Я знаю, говорю я, что опытъ показываетъ намъ великое число людей живущихъ съ нами подъ симъ непріятнымъ видомъ; но чтожъ изъ сего можно заключить противу рода человѣческаго *по-общe*? Совсѣмъ ничего.

Велики ли въ разсужденіи *всего* сообщества человѣческаго тысяча обществъ *частныхъ*? Такъ велики, какъ въ Миніатурѣ самой нечувствительной пунктикъ, какой только кисть положить можетъ. Можно ли же судить искусство живописца по одному только пункту, и обвинять его незнаніемъ

за

за то, что сей пунктъ положенъ не столь исправно? Нѣтъ безъ сомнѣнія, потому, что такая малая неисправность дѣлаетъ можетъ быть украшеніе въ цѣломъ: и равно какъ въ художнической работѣ есть и надобныя погрѣшности, такъ и въ родѣ человѣческомъ есть пороки для *самаго мѣста*, гдѣ они включены, по справедливости вредительные, но надобные для *цѣлаго* сообщества.

Сверьхъ того сіи *частныя* общества состоятъ не изъ однихъ только злыхъ людей, но есть въ нихъ таковыя. Изъ чего видно, что опытъ, которой только познаетъ людей каждаго *порознь*,

розно, недостаточенъ, что касается до всѣхъ людей *по-обще*; для того, что одинъ человѣкъ не можетъ самымъ опытомъ узнать всѣхъ, ниже большей изъ нихъ части. То правда, скажутъ мнѣ; но многіе люди живучи въ разныхъ обществахъ, разсказываютъ объ оныхъ каждой разное, но почти одинакими словами изображаютъ оныя, почти одинакими же и красками; изъ чего заключается, что люди повсюду впрочемъ таковы, какими опытъ намъ ихъ показуетъ. Сіе новое противоположеніе весьма способно опровергнуть, потому, что то было бы разсуждать о неизвѣстной вещи, смотря на людей, кои не болѣе же того сами извѣстны.

стны. Разсмотримъ же теперь тѣхъ, коихъ мнѣнія подаютъ намъ право имѣть таковое разсужденіе.

Мы не можемъ иначе имѣть познанія обо всѣхъ людяхъ, отъ насъ отдаленныхъ, какъ чрезъ писателей каждаго народа. Писатели, отъ которыхъ мы узнаемъ о народахъ, о коихъ бы мы безъ нихъ ничего, кромѣ одного названія, не знали, бываютъ трехъ родовъ: *Историки*, *Нравоучители*, *и Стихотворцы*. *Историки*, кажутся что болѣе прочихъ заслуживаютъ повѣренность, полагаютъ, что человѣкъ, которой взялся описать все что случилося, употребилъ возможныя пред-

осторожности, чтобъ извѣдать лучше объ истиннѣ приключеній, прежде нежели оныя представить; но сіе только одинъ видъ подъ коимъ способно прикрываютъ неправду, ежели хотя не много захочешь подлинно разсмотрѣть Исторію. Сравнивая многихъ Историковъ въ одномъ приключеніи, найдешь ихъ столь пристрастно подражающими, либо противорѣчущими другъ другу, что въ великое придешь сомнѣніе, которому изъ нихъ вѣрить и о которомъ сомнѣваться. Естьли же Историки столько невѣрны, что заставляютъ сомнѣваться о такихъ дѣлахъ, кои случились, такъ сказать, въ собственныхъ ихъ глазахъ, то какъ можно отва-

важиться повѣрить имъ въ такомъ способѣ, какимъ они видѣли своихъ согражданъ, тѣмъ болѣе, что сей способъ видѣть есть можетъ быть и вовсе выдуманной, и зависящей отъ сложенія органовъ зрителя.

Я не буду болѣе продолжать о неизвѣстности Исторіи, и о самой довѣренности, какую можно имѣть къ Историкамъ. Можно довольно видѣть о томъ изъ сочиненія названнаго: les mensonges imprimes, коего славной авторъ почитаетъ Исторію за басню, и весьма ясно доказываетъ о томъ въ небольшемъ своемъ изданіи.

Нрапоучители кажутся что неровное съ Историками

мѣсто занимаютъ въ нашихъ мысляхъ, и заслуживаютъ чтобъ имъ вѣрить. Они пишутъ Исторію *нравовъ*, такъ какъ Историки *великихъ дѣлъ*; то есть, что они представляютъ причины дѣлъ, о какихъ тѣ повѣствуютъ, и разсуждаютъ о началѣ и правилахъ, какія всѣ люди *вообще* возпріяли. Такая должность достойнѣе и превозходнѣе Историковъ; но не знаю, лучше ли оную исполняютъ?

Произвесть отвращеніе къ пороку, и показать добродѣтель пріятною, должно быть предметомъ нравоучителей. Но подаютъ ли они намъ правильное понятіе о томъ и о другомъ, вотъ что разсматривать должно?

Ка-

Каждой изображаетъ себя въ своихъ сочиненіяхъ; правило сіе не безъ изключенія, между тѣмъ оно довольно *общее*. Не должно ли же остерегаться чтобъ *Историкъ разума* не изобразилъ себя въ видѣ человѣка злаго, такъ какъ *Историкъ дѣлъ* представляетъ себя часто среди Героевъ? Почти обыкновенно нравоучитель находитъ самъ въ себѣ большую часть погрѣшностей, которыя опорочиваетъ. Всегда стараются видѣть въ другомъ пороки, какіе находятъ сами въ себѣ. Сіе есть такое извиненіе, коимъ гордость добродѣтельно питается, а сіе самое и заставляетъ уже довольно сомнѣваться объ *об-*

щихъ всѣмъ погрѣшностяхъ. Между тѣмъ было бы весьма безчеловѣчно и несправедливо, естьли порицать нравоучителей всѣми пороками, какіе они осуждаютъ. Но кого же они избираютъ образцомъ, дабы изобразить пороки, какихъ они сами въ себѣ не имѣютъ? Людей по большей части обществомъ отверженныхъ, какъ неспособныхъ составлять одно съ нимъ тѣло, или которыхъ оно хранитъ въ нѣдрахъ своихъ сходно съ выгодами, какія изъ того получить можетъ; выгоды полезныя, или пріятныя, и всегда случайныя симъ членамъ недостойнымъ быть въ началѣ порядка человѣковъ. Но сіи ужасные образцы находятся въ

вели-

великомъ ли числѣ? Вѣрно нѣтъ, потому что они достойны только чтобъ ихъ убѣгать, а въ обществѣ есть гораздо болѣе такихъ людей, которыхъ изыскиваютъ, нежели тѣхъ, какихъ убѣгаютъ. Когда же изъ сихъ дватцать, тритцать, сорокъ, сто, простыхъ въ государствѣ заражены такимъ, а пятдесятъ другимъ порокомъ, то можно ли думать, что люди сего государства порочны отъ большей части?

На примѣръ: кто разсмотритъ вѣкъ Людвика XIV, сравнивая оной много разъ съ Августовымъ, не упуская нималаго подобія, сей вѣкъ великихъ мужей, о коихъ нынѣ столько бы пролито

было

было слезъ, естьлибъ не былъ возобновленъ Людвикомъ XV, кто разсмотритъ, говорю я, сей вѣкъ съ такимъ понятіемъ, какое славной авторъ *нравоучительныхъ мыслей* подаетъ намъ, людямъ его времени, заключитъ объ ономъ не столь изрядно, какъ онъ заслуживаетъ. Сей авторъ, впрочемъ весьма просвѣщенной, весьма худаго мнѣнія о родѣ человѣческомъ. Чѣмъ онъ обманулся, происходитъ отъ того, что онъ заключаетъ о *всеобщемъ* по нѣкоторому числу придворныхъ, которыхъ безпрестанно имѣлъ предъ глазами. Но Дворъ Людвика XIV, сколь многочисленъ и сколь блистающъ ни былъ, былъ одна-

однакожъ много не сходенъ со всѣми добродѣтелями, какія проницаніе великаго сего Государя каждой день раждало. Я повѣрю еще и тому, что сія земля, жители которой всегда неблагодарны противу добродѣтелей, была такое мѣсто, гдѣ оныя мало умножались, не взирая на попеченіе Монарха, правила и примѣръ собою подающаго.

Лицемѣрство, которое рѣдко отлучается отъ человѣка придворнаго, почти всегда затворяетъ сердце его отъ добродѣтелей чистыхъ, добродѣтелей и с к р е н н и х ъ. Авторъ же *нрапоучительныхъ* мыслей разсуждалъ о всѣхъ людяхъ *пообще*, смотря по людямъ придворнымъ.

Онъ разсуждалъ объ нихъ не имѣя точнаго познанія; потому, что въ разсужденіи *цѣлаго*, зналъ только число весьма малое, и притомъ такое, которое бываетъ обыкновенно развращенное.

Что я сказалъ объ авторѣ *нравоучительныхъ мыслей*, можетъ касаться и до авторовъ *описывающихъ свойства*, а слѣдовательно и до всѣхъ нравоучителей, которыхъ можно почесть за столькожъ предупрежденныхъ какъ и Историковъ, и по крайней мѣрѣ столь же подозрительныхъ въ пристрастіи.

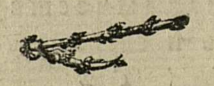
Стихотворцы, которые кажутся что лучше знаютъ людей, суть двухъ родовъ: *сатирическіе* и *драмати*-

матические, но сіи Стихотворцы новые и древніе, будучи подозрительны не менѣе Историковъ и Нравоучителей, ничего противу рода человѣческаго не объявляютъ. Обладать искусно пороками, погрѣшностями и насмѣшками, кои введены у просвѣщенныхъ народовъ, представить оныя замысловато для ихъ наставленія и увеселенія, не показываетъ еще всѣхъ людей *пообще* равно развращенными; и изображеніе *нѣкоторыхъ* не можетъ быть для потомства точнымъ описаніемъ *псего*. Можно ли имѣть истинное понятіе о *Французѣ*, естьли кисти *Моліеропой* вѣрить, что владычествующая страсть и свойство сего народа

рода суть: скупость и человѣконенавидѣніе? Таково же во всей вселенной и во всѣ времена.

Нѣкоторые простолюдины, привлеченные слѣпою корыстію, весьма часто измѣняли добродѣтели, презирали угрызеніе совѣсти, уничтожали законы, и приводили въ смятеніе *общественной* порядокъ; но самое большее число имѣютъ безъ сомнѣнія тихія страсти и чистые нравы; для того, что имѣютъ отвращеніе къ злымъ, и законы, кои тѣхъ наказываютъ.

Конецъ.

4378

330
111